

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ОПЫТ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А. В. Смирнов¹, Л. А. Максимова¹, И. А. Симонова¹

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: ¹k-66756@planet-a.ru; ²maximova70@mail.ru; ³luboe05@mail.ru*

Аннотация. *Введение.* На сегодняшний день наблюдается рост рисков вовлечения несовершеннолетних в различные формы девиантного поведения, среди разновидностей которого особую опасность представляют аддиктивные поведенческие модели. В связи с этим актуальность приобретают превентивные профилактические меры, среди которых одним из ключевых направлений является своевременное выявление потенциальных аддиктов, в том числе среди обучающихся образовательных организаций.

Целью исследования стало выявление актуальных социально-психологических характеристик личности несовершеннолетних обучающихся, склонных к аддиктивному поведению.

Методология, методы и методики исследования. В качестве основного теоретического метода использовался сравнительно-аналитический метод работы с научной литературой, представленной в базах данных eLIBRARY.RU, Scopus, Web of Science и Google Scholar. При организации исследования авторы опирались на ряд методологических положений: структурного метода, когда исследовательский материал интерпретируется в соответствии со специфическими характеристиками объекта исследования; метода сопоставлений, заключающегося в сравнении отдельных результатов между собой. Основным эмпирическим методом стал метод тестирования, для получения результатов исследования использовалась Единая методика социально-психологического тестирования, имеющая своей целью выявление риска формирования у несовершеннолетних аддиктивного поведения. Для математико-статистической обработки данных применялся пакет Statistics SPSS 19.0: критерий Dmax Колмогорова – Смирнова (для юношей и девушек отдельно и совместно), U-критерий Манна – Уитни, регрессионный анализ, анализ средних значений, доверительных и процентильных интервалов, а также применялся метод факторного анализа – метод главных компонент, вращение Varimax, устойчивость факторов вычислялась по методу Левандовского. Исследование проводилось в разных регионах России в 2019–2021 гг. Выборка составила 6300 человек.

Результаты исследования. На основе анализа научных источников описана эпидемиологическая картина различных форм аддиктивного поведения несовершеннолетних, различия между мужской и женской выборками (юноши в большей степени демонстрируют стремление к лидерству, протестным реакциям, соперничество, а девушки являются более тревожными, фрустрированными, сосредоточенными на внутренних переживаниях), описаны взаимосвязи между шкалами методики и полюса выделенной факторной структуры с точки зрения асоциальности и просоциальности поведения несовершеннолетних (стремление к риску, социальная неприспособленность, избегание конфликтности и другие).

Научная новизна результатов обуславливается получением актуальных данных о специфике социально-психологических характеристик современных подростков и юношей, склонных к аддиктивному поведению.

Практическая значимость состоит в том, что полученные в ходе исследования социально-психологические характеристики поведения личности, склонной к аддиктивному поведению, могут стать основой планирования работы по раннему выявлению склонности к аддиктивному поведению и могут использоваться для организации диагностической и профилактической деятельности с несовершеннолетними, в том числе из группы риска.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, зависимое поведение, Единая методика социально-психологического тестирования, ранняя диагностика.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00042-21-02 «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

Для цитирования: Смирнов А. В., Максимова Л. А., Симонова И. А. Аддиктивное поведение обучающихся: опыт раннего выявления и социально-психологические характеристики // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 9. С. 174–211. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-9-174-211

ADDICTIVE BEHAVIOUR OF STUDENTS: EARLY DETECTION EXPERIENCE AND SOCIO- PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS

A. V. Smirnov¹, L. A. Maksimova², I. A. Simonova³

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ¹k-66756@planet-a.ru; ²maximova70@mail.ru; ³luboe05@mail.ru

Abstract. Introduction. Today, there is an increase in the risks of involving minors in various forms of deviant behaviour, among the varieties of which addictive behavioural models are particularly dangerous. In this regard, proactive preventive measures are becoming particularly relevant, among which one of the key areas is the timely identification of potential addicts, including among students of educational organisations.

Aim. The aim of the study was to identify the actual socio-psychological characteristics of the personality of underage students who are prone to addictive behaviour.

Methodology and research methods. The comparative-analytical method of working with scientific literature presented in eLIBRARY.RU, Scopus, Web of Science and Google Scholar databases was used as the main theoretical method. When organising the study, the authors relied on a number of methodological provisions: the structural method, when the research material is interpreted in accordance with the specific characteristics of the object of study; the method of comparisons, which consists in comparing individual results with each other. The main empirical method was the testing method. To obtain the results of the study, the authors

employed a unified methodology of socio-psychological testing aimed at the identification of the risk of formation of addictive behaviour in minors. For mathematical and statistical data processing, the Statistics SPSS 19.0 package was applied: the Kolmogorov-Smirnov Dmax criterion (for boys and girls separately and jointly), the Mann-Whitney U test, regression analysis, analysis of averages, confidence and percentile intervals. Also, the factor analysis method was used – the principal component method, Varimax rotation. The stability of factors was calculated using the Lewandowski's method. The study was conducted in different regions of Russia in 2019–2020. The sample consisted of 6,300 people.

Results. Based on the analysis of scientific sources, the authors described the epidemiological picture of various forms of addictive behaviour of minors, the differences between male and female samples (young men demonstrate a greater desire for leadership, protest reactions, rivalry, and girls are more anxious, frustrated, focused on internal experiences), the interrelationships between the scales of the methodology and the poles of the selected factor structure from the point of view of asociality and prosociality of juvenile behaviour (desire for risk, social maladjustment, avoidance of conflict and others).

Scientific novelty. The *scientific novelty* of the results is due to the receipt of relevant data on the specifics of the socio-psychological characteristics of modern adolescents and young men prone to addictive behaviour.

Practical significance. The *practical significance* lies in the fact that the identified socio-psychological characteristics of the behaviour of a person prone to addictive behaviour can become the main planning work on the early detection of a tendency to addictive behaviour, organisation of preventive work with imperfect-year-olds, as well as for the organisation of psychological work with students at risk.

Keywords: addiction, addictive behaviour, dependent behaviour, unified method of social and psychological testing, early diagnosis.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation № 073-00042-21-02 “Scientific Analysis of a Unified Methodology in Students’ Socio-Psychological Testing Aimed at Early Detection of Non-Medical Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Use, and its Revision”.

For citation: Smirnov A. V., Maksimova L. A., Simonova I. A. Addictive behaviour of students: Early detection experience and socio-psychological characteristics. *The Education and Science Journal*. 2022; 24 (9): 174–211. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-9-174-211

Введение

Проблема вовлечения в аддиктивное поведения остается одной из самых обсуждаемых в научном дискурсе на протяжении многих лет. Аддиктивное поведение представляет собой отклоняющееся от социальных норм рецидивирующее компульсивное, рационально не мотивированное побуждение, которое плохо поддается самоконтролю и влечет совершение определенных поступков. Конечная цель в этом случае – получение субъективного физического и психологического удовольствия. По мнению авторов

статьи, особенно остро стоит проблема поиска подходов к раннему выявлению признаков вовлечения несовершеннолетних в различные формы подобного поведения, а также инструментов минимизации данных рисков. А. В. Смирнов отмечает, что сложность проблемы заключается в ее междисциплинарном характере, предполагающем проведение комплексных исследований на различных уровнях эволюции, нейробиологии, генетики, психофизиологии, а также на глубинно-, личностно-, социально-психологическом и информационно-культурном уровнях [1, с. 8].

Научным трендом последних лет стало использование подхода, основанного на анализе соотношения факторов, лежащих в основе побуждения несовершеннолетних к аддитивному поведению (факторы риска), и факторов, повышающих устойчивость личности к вовлечению в подобные формы поведения (факторы защиты) [1–3]. Именно этот подход лег в основу представленного в статье исследования.

Целью настоящей статьи является представление результатов исследования актуальных социально-психологических характеристик личности несовершеннолетних обучающихся в контексте факторов защиты и факторов риска вовлечения в аддитивное поведение.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Влияют ли факторы региона проживания, пола и возраста на социально-психологические характеристики личности несовершеннолетних в контексте факторов защиты и риска вовлечения в аддитивное поведение?
2. Существуют ли значимые различия в проявлении социально-психологических характеристик личности и факторов защиты / факторов риска вовлечения в аддитивное поведение в зависимости от пола и возраста?
3. Какова факторная структура социально-психологических характеристик личности несовершеннолетних, склонных к аддитивному поведению, и как она соотносится с характеристиками асоциальности и просоциальности поведения?

Гипотеза. Социально-психологические характеристики личности несовершеннолетних в контексте факторов защиты и факторов риска вовлечения в аддитивное поведение зависят от региона проживания, отличаются поло-возрастной спецификой, имеют факторную структуру, представленную униполярными факторами, отражающими признаки асоциальности и просоциальности поведения несовершеннолетних.

Ограничения исследования. Представленное в статье исследование имеет ряд ограничений, связанных с исследованием несовершеннолетних, обучающихся в 7–11 классах общеобразовательной школы, средних профессиональных образовательных организациях и образовательных организа-

циях высшего образования из семи регионов Российской Федерации. Это показывает актуальность дальнейших исследований социально-психологических характеристик обучающихся, склонных к аддиктивному поведению, а также организации работы по раннему их выявлению с целью организации профилактической работы.

Обзор литературы

Е. С. Курносова отмечает, что прогресс с его новыми возможностями всегда приносит и новые поведенческие феномены, и новые девиации [4]. В исследованиях А. В. Смирнова и Г. У. Солдатовой с коллегами выявляется достаточно высокий процент школьников, употребляющих психоактивные вещества – верхняя граница эпидемиологического диапазона более 18 %, что делает тему изучения аддиктивного поведения несовершеннолетних социально значимой [1; 5].

Сегодня проблемы аддиктивного поведения несовершеннолетних изучаются представителями разных научных направлений. В рамках *социологического направления* исследовательский интерес находится в области выявления маркеров и социальных факторов риска аддиктивного поведения, изучения прямой и косвенной социальной опасности различных форм отклоняющегося поведения несовершеннолетних для общества. Т. Sai Sandhya и коллеги отмечают, что потенциальную вероятность вовлечения в аддиктивное поведение увеличивают плохие отношения с родителями [6]. Р. Moradi, F. F. Lavasani, M. Dejman считают, что подобным фактором может стать специфика отцовской и материнской роли в семье [7], а А. М. Morales с коллегами – поведенческие характеристики матери и отца [8]. Е. I. Rasskazova с коллегами к «*семейным факторам*» относят также систему наказания и поощрения в семье, авторитет института семьи для родителей [9]. По мнению А. В. Смирнова и S. V. Menon, делинквентность и протестность, социальная оппозиционность и стремление к самоизоляции могут выступать маркерами подобного поведения [1; 10]. Н. В. Moss с коллегами считают, что однозначно негативную роль фактора риска играет беспризорность и бездомность [3]. Т. Grumbach с соавторами отмечают, что психологическое давление со стороны сверстников-аддиктов или референтной группы в целом также может способствовать дебюту аддиктивного поведения [11]. J. P. Schneider и R. R. Irons предлагают рассматривать аддиктивное поведение как вариант саморазрушающего, возникающего в результате переживания личностью проблем в межличностном взаимодействии [12].

Исследуя отклоняющееся поведение в интернет-пространстве, В. И. Красиков выявляет различные формы демонстрации ненависти одних

людей к другим по какому-либо основанию (например, троллинг), определяя такое поведение как опасное для общества [13]. А. И. Кувшинова выявляет связь между склонностью подростков к внушению, уровнем адаптированности и подверженности влиянию религиозных культов [14]. О. В. Усова с коллегами выявили специфику восприятия педагогами поведения обучающихся в зависимости от типа отклоняющегося поведения и пола [15]. И. И. Хасанова и С. С. Котова сосредоточились на изучении взаимосвязей девиантного поведения молодых людей с интернет-зависимостью и совладающим поведением [16]. И. В. Воробьева, О. В. Кружкова с коллегами изучают проблемы отклоняющегося поведения молодежи в контексте вандального поведения в современной городской среде [17; 18]. В связи с активным внедрением в последнее время цифровой образовательной среды представляет интерес изучение влияния цифрового обучения на риск возникновения цифровой аддикции у обучающихся [19]. Г. У. Солдатова и коллеги на основе пятилетнего опыта работы с детьми на линии помощи «Дети онлайн» анализируют эволюцию-онлайн рисков возникновения отклоняющегося поведения, а также изучают феномен кибербуллинга [20; 21].

Направление *психологии личности* является вторым по масштабу направлением в изучении аддиктивного поведения школьников. Здесь исследованию подлежат особенности личности людей с разнообразными формами и специфическими паттернами аддикций. Вероятность развития аддикций, по мнению ряда зарубежных авторов – Н. G. Sotoudeh, М. А. Nazari, М. А. Mirhashemi [22], – может определяться сочетанием таких личностных факторов, как «самоконтроль», «уверенность в себе и умение говорить нет», «развитость навыков принятия решений» и «опыт самостоятельного решения проблем». Подобного же мнения придерживаются и некоторые отечественные исследователи, например, С. Е. Паньшина, Н. А. Сунгурова, Н. Б. Карабущенко [23]. А. Bornioli, Н. Lewis-Smith, А. Smith, А Slater, I. Bray связывают неприятие своего тела, внешности или более глубокие формы дисморфофобии с различными формами отклоняющегося поведения, в том числе с употреблением наркотиков [24]. К личностным факторам риска Р. Ghazal относит, например, импульсивность, типичные стресс-реакции или побуждение «попробовать запретный плод» [25]. А. Н. Яковлев предлагает ориентироваться на результаты замеров по шкале Клонинджера, оценивающей видимые проявления в темпераменте и характере личности с отклоняющимся поведением [26]. А. Б. Абдулина и Р. Р. Абдулин пишут о том, что мотивационная сфера подростков с отклоняющимся поведением отличается наличием внутренних противоречий, дисгармоничностью ее компонентов, а также их асоциальной направленностью [27]. По мнению Ю. В. Власовой, в качестве мотивов вовлечения подростков в деструктив-

ные культы выступает желание приобщиться к тайным знаниям, трансцендентному, потребность в покровительстве, поиск идентичности, а также неудовлетворенная потребность в духовности [28]. Л. Я. Дорфман и Ю. Л. Панов выявили связь между склонностью молодых людей к отклоняющемуся поведению и недостаточной сформированностью различных модальностей «Я», а также спецификой выраженности мотивов стремления к успеху и избеганию неудачи [29]. О. А. Сагалакова и Д. В. Труевцев выявили специфику нарушений произвольной регуляции деятельности у подростков, склонных к суицидальному и антивитальному поведению. Социальная тревога, по их мнению, сопровождается нарушениями произвольности, становясь фактором формирования антивитального поведения [30]. А. С. Расимхулова устанавливает последствия для психического и физического состояния здоровья от различных вариантов аддиктивного поведения подростков [31].

Сравнительные исследования по критерию пола, проведенные Р. С. Гайнуллиным с коллегами, проявили различные механизмы формирования аддиктивного поведения для юношей и девушек, несмотря на действие одних и тех же этиологических факторов [32]. А. В. Смирнов считает, что полиморфность и сложное взаимодействие этиологических факторов и факторов риска побуждают исследователей в оценке вероятности формирования аддиктивного поведения к более взвешенному подходу, описывающему взаимодействие, соотношение факторов риска и защиты – определение различных квотиентов либо стойкости, либо аддиктивности поведения [1].

Направление *психологической коррекции, терапии личности*, склонной к отклоняющемуся поведению, выступает третьим по количеству исследований направлением в изучении аддиктивного поведения в социальной страте школьников. Работы ведутся по нескольким векторам, которые хорошо коррелируют с направлениями работ в личностном направлении, описанном выше. В зарубежных исследованиях, например, в работах Т. Sai Sandhya и коллег [6], Р. Moradi, F. F. Lavasani и М. Dejman [7], А. М. Morales и коллег [8], активно разрабатываются возможности семейной терапии для коррекции аддиктивного поведения несовершеннолетних. Е. С. Булычева также рассматривает возможности семейной терапии и коррекции детско-родительских отношений в работе с несовершеннолетними с различными формами отклоняющегося поведения [33]. И. М. Бояршинова в качестве основных форм работы предлагает использовать тренинги, спортивные мероприятия, различные виды социально-культурной деятельности [34], А. Ю. Егоров и С. В. Гречаный в качестве основного подхода к работе с интернет-зависимыми – терапию творческим самовыражением [35]. Таким образом, в качестве основных направлений коррекции различных форм аддиктивного поведения несовершеннолетних рассматриваются коррекция

личностных диспозиций, свойств, состояний и процессов, приводящих к асоциальной направленности, снижению уровня социальной адаптированности, социальной самоизоляции; устранение и профилактика факторов, препятствующих продуктивной социализации и социальной адаптации; развитие механизмов продуктивной саморегуляции поведения и деятельности детей; прямая профилактика всех форм рискованного поведения; развитие методов усиления жизнестойкости детей; разработка концептуальных моделей реабилитации, ресоциализации, культурной инкорпорированности представителей различных групп риска.

Диагностическое направление является четвертым по распространенности подходом к исследованию аддиктивного поведения. Анализ научной литературы показал, что внимание исследователей-разработчиков диагностических процедур в основном находится в области диагностики конкретных форм аддиктивного поведения. Подобный подход можно увидеть в работах R. A. Davis, C. Coleman-Kennedy и A. Pendley, которые предлагали отдельные диагностические процедуры для выявления каждого типа зависимости [36; 37]. Исследователями в основном разрабатываются диагностические методы для взрослой выборки либо предлагается использовать те же диагностические средства для старших подростков и юношей. Например, в отечественной и зарубежной практике достаточно широко применяется тест Фагерстрема для определения никотиновой зависимости у взрослых и старшеклассников [38].

А. В. Смирнов предлагает решать три ключевых задачи: своевременное выявление детей, потенциально склонных стать инициаторами или жертвами различных форм аддиктивного поведения, разработка вариативных инструментов для разностороннего исследования индивидуальности школьников, склонных к аддиктивному поведению, а также решение диагностики аддикций как группового, социального явления [39].

Клиническое направление обращается к этиологии аддиктивного поведения, а также рассматривает патогенез, клинические проявления и возможности терапии. В рамках данного подхода исследователи рассматривают аддиктивное поведение как зависимое, возникающее в результате употребления определенных психоактивных химических препаратов. Выделяя критерии аддиктивного поведения, Т. W. Miller и J. P. Schneider с коллегами соотносят их с признаками синдрома зависимости [40; 12]. Особое внимание в отечественных исследованиях уделено формам аддиктивного поведения, которые с точки зрения клиницистов считаются более опасными для жизни детей – приводят к снижению уровня соматического здоровья. Так, А. А. Антонова с коллегами определяют влияние различных форм девиантного поведения на состояние здоровья детей [41], а А. С. Рахимкуло-

ва анализирует последствия алкоголизма, наркомании, адреналиномании, нарушений пищевого поведения для здоровья несовершеннолетних [31]. В. Н. García с коллегами считают, что наличие синдрома дефицита внимания и гиперактивности повышает риск развития аддикций, в том числе зависимости от психоактивных веществ [42].

Таким образом, различная природа форм аддиктивного поведения подростков побуждает исследователей вставать на разнообразные теоретико-методологические и методические позиции, по-разному представляющие эпидемиологические, этиологические, патогенетические факторы подобного поведения подростков.

Отдельное место в изучении этиологии аддикций занимает тема психотравмы. Например, S. Sussman, E. L. McKeague связывают наличие сексуальных аддикций с психологическими травмами, полученными в детстве [43; 44]. А. В. Смирнов также отмечает, что сексуальное, физическое или иные формы насилия, например, психологического, а также посттравматическое стрессовое расстройство в анамнезе повышают риск вовлечения в аддиктивное поведение [1],

В целом можно сказать, что все авторы подчеркивают сложность ранней диагностики склонности к вовлечению в аддиктивное поведение, указывают на комплексный (множественный) характер факторов, определяющих риск, отмечают необходимость дальнейшего исследования темы в рамках лонгитюдных проектов. Отмечается невозможность составления однозначного единого реестра маркеров раннего риска, при этом авторы указывают, что их спектр весьма широк, и они могут различаться в зависимости от возраста, пола, типа или деятельности. Укажем, что для большинства исследований характерна логика рассмотрения соотношения «факторы риска – факторы защиты» (или наоборот), где вероятность аддиктивного поведения определяется именно их соотношением.

Материалы и методы

При организации исследования авторы опирались на методологические положения структурного и сопоставительного методов. Структурный метод предполагает интерпретацию исследовательского материала в соответствии со специфическими характеристиками объекта исследования, в данном случае – с проявлениями, которые характерны для личности, склонной к аддиктивному поведению, а также с точки зрения асоциальности и просоциальности поведения несовершеннолетних. Сопоставительный метод заключается в сравнении отдельных выборок и результатов между собой.

Анализ литературы за период с 2017 по 2022 гг. проводился с использованием баз данных eLIBRARY.RU, Scopus, Web of Science и Google Scholar. Изучение содержания первоисточников проходило как традиционным способом, так и с помощью компьютерных технологий контентного, контекстного, ассоциативного и эвристического анализа информации.

Основным эмпирическим методом стал метод тестирования. Для выявления результатов исследования использовались данные, полученные с помощью Единой методики социально-психологического тестирования. Социально-психологическое тестирование несовершеннолетних студентов средних профессиональных образовательных организаций и студентов вузов (первые курсы) проводится на всей территории РФ по единой методике «ЕМ-СПТ»¹, цель которой – выявление латентной и явной рискогенности социально-психологических условий, лежащих в основе формирования психологической готовности к аддиктивному поведению у подростков и юношей. В основе «ЕМ-СПТ» лежит представление о непрерывности и одновременности воздействия на испытуемых факторов риска и факторов защиты. К факторам риска разработчики «ЕМ-СПТ» отнесли социально-психологические условия, повышающие вероятность вовлечения испытуемых в аддиктивное поведение: склонность к риску, тревожность, подверженность влиянию группы, употребление наркотических средств в социальном окружении и другие. К факторам защиты отнесены условия среды, повышающие психологическую устойчивость к влиянию факторов риска: принятие родителями и одноклассниками, социальная активность, самоконтроль и самоэффективность. Соотношение данных факторов в результатах испытуемых, по мнению разработчиков, позволяет оценить вероятность вовлечения в аддиктивное поведение.

Методика «ЕМ-СПТ» разработана в трех формах: А, В и С – соответственно для трех групп несовершеннолетних испытуемых 7–9 классов, 10–11 классов и студентов средних профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования. Исследование проводится при соблюдении принципов конфиденциальности и добровольности. Результаты социально-психологического тестирования предоставляются в региональные органы исполнительной власти в обобщенном виде, исключая персональную информацию о его участниках. Принцип единообразия проведения методики позволяет сопоставлять результаты, полученные в разных регионах.

---

¹Руководство по использованию методики социально-психологического тестирования. Москва: Министерство просвещения РФ, ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2019. 44 с.

«ЕМ-СПТ» является уникальной в своем роде, на сегодняшний день нет других методик подобного размаха, как и работ по этой методике, – обнаруживается лишь несколько статей, рассматривающих непосредственно результаты применения ее в регионах. В научной литературе представлен опыт применения методики в конкретных регионах и образовательных организациях. В статье О. В. Стрелковой анализируются результаты проведения данной методики для выявления склонности студентов к употреблению психоактивных веществ в одном из вузов Калининградской области [45]. Российские исследователи освещают также вопросы построения программ профилактики на основании результатов методики. Например, этот аспект освещен в работе О. В. Заевой [46]. Отдельно отметим методические рекомендации, разработанные специалистами в регионах. М. Ю. Михайлина предлагает методические рекомендации по проведению методики для педагогов-психологов Саратовской области [47]. Н. В. Афанасьева с коллегами и А. В. Орлова проводят анализ результатов использования методики в регионах и предлагают направления психологической и педагогической работы с несовершеннолетними [48; 49]. В целом исследователи отмечают высокий диагностический потенциал методики.

В исследовании для анализа были использованы данные проведения «ЕМ СПТ», полученные в регионах РФ в 2019/20 и 2020/21 учебных годах. Результаты диагностики предоставлялись авторам в виде сводных таблиц, исключающих возможность идентификации испытуемых, в рамках выполнения авторами государственного задания № 073-00042-21-02 «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

На первом этапе отбора данных были выбраны семь регионов, относящихся к Сибири, Северу, Уралу, Центральной России: Волгоградская, Свердловская, Тюменская области, Красноярский и Пермский края, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Первичный отбор данных предполагал отсеив поврежденных и некорректно оформленных результатов, наличие сведений о поле и возрасте испытуемых. На следующем этапе использовались рандомизированный метод отбора данных, а также выравнивание количества результатов юношей и девушек по каждой из форм (А, В, С) от каждого региона.

Таблица 1

Итоговое количество испытуемых

Table 1

Total number of subjects

Форма «ЕМ-СПТ» “UM-SPT” Form	Юноши Male	Девушки Female	Всего Total
Форма А <i>A Form</i>	1050	1050	2100
Форма В <i>B Form</i>	1050	1050	2100
Форма С <i>C Form</i>	1050	1050	2100
Итого Total	3150	3150	6300

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью статистического пакета Statistics SPSS 19.0. В процессе математико-статистической обработки данных использованы критерий Dmax Колмогорова – Смирнова (для юношей и девушек отдельно и совместно), U-критерий Манна – Уитни, регрессионный анализ, анализ средних значений, доверительных и процентильных интервалов, дисперсии и стандартного отклонения переменных, а также применялся метод факторного анализа – метод главных компонент, вращение Varimax, нижний порог корреляционной значимости переменных $r \geq 0,35$ при $p < 0,01$.

Характер и нормальность распределения данных в итоговой выборке ($N = 6300$) проверялся по методу Dmax Колмогорова – Смирнова. Данные показывают отсутствие нормальности распределения по всем переменным. Метод расщепления выборки испытуемых по критерию «первый-второй» на две равные группы с последующим измерением различий по U-критерию Манна – Уитни показал отсутствие различий по 98,7 % переменных (форма А), 99 % переменных (форма В), 96 % переменных (форма С). Поэтому представленная выборка испытуемых является репрезентативной, а все закономерности, обнаруживаемые в отношении нее, могут быть экстраполированы (перенесены) на любую отечественную выборку школьников, прошедших тестирование по методике «ЕМ-СПТ». Все обнаруживаемые взаимосвязи в силу репрезентативности выборки принимают характер устойчивых (повторяющихся) закономерностей для каждой возрастной группы.

Результаты

Проблема раннего выявления склонности к аддиктивному поведению подростков и молодежи является крайне актуальной, что отражается на количестве и особенностях научных публикаций, посвященных данной теме. Обращение к первоисточникам на академическом ресурсе eLIBRARY.RU, во-первых, показало, какие формы поведения действительно присущи современным школьникам, во-вторых, проявило исследовательские приоритеты (таблица 1) и направления научно-исследовательской работы.

Таблица 2

Рейтинг форм аддиктивного поведения подростков в зависимости от количества академических первоисточников на ресурсе eLIBRARY.RU

Table 2

Rating of forms of addictive behaviour of adolescents depending on the number of academic primary sources on the eLIBRARY.RU resource

№	Описание опасности <i>Description of the danger</i>	Количество первоисточников <i>Number of primary sources</i>	Процент от общего числа первоисточников <i>Percentage of the total number of primary sources</i>
1	Интернет-среда и социальные сети <i>Internet environment and social networks</i>	270 735	42
2	Различные формы аддиктивного поведения, характерные для школьников: алкоголизм, наркомания, адреналиномания, интернетомания <i>Various forms of addictive behaviour characteristic of schoolchildren: alcoholism, drug addiction, adrenaline addiction, Internet addiction</i>	108 593	16,8
3	Снижение уровня соматического здоровья школьников, как результат образа жизни <i>A decrease in the level of somatic health of schoolchildren as a result of lifestyle</i>	101 515	15,7
4	Агрессивное и деструктивное поведение <i>Aggressive and destructive behaviour</i>	63 026	9,8
5	Межэтнические конфликты в школе и проблемы адаптации мигрантов к учебному процессу и школьной среде <i>Interethnic conflicts at school and problems of migrants' adaptation to the educational process and school environment</i>	44 186	6,8
6	Аутоагрессия и суицид подростков <i>Autoaggression and suicide of adolescents</i>	17 727	2,7
7	Различные формы расстройства пищевого поведения <i>Various forms of eating disorders</i>	15 759	2,5
8	Вовлечение в организации экстремистского толка типа «А.У.Е.» или «Колумбайн», или автономный скулшутинг <i>Involvement in extremist organisations such as "A.U.E" or "Columbine" or autonomous school shooting</i>	8 415	1,3
9	Буллинг (травля) в школе <i>Bullying at school</i>	7 066	1,1
10	Проблема педагогической запущенности школьников <i>The problem of pedagogical neglect of schoolchildren</i>	4 614	0,7
11	Вовлечение школьников в деструктивные культы <i>Involvement of schoolchildren in destructive cults</i>	3 842	0,6
Всего Total		645 478	100

Из таблицы 2 видно, что на первом месте по количеству отечественных исследований находится изучение опасности киберпространства и связанного с ним отклоняющегося поведения. Однако это вовсе не означает, что именно эта форма поведения является сегодня доминирующей проблемой. Реально представленный рейтинг определяется таким критерием, как доступность получения информации. Действительно, исследовать интернет-зависимость или специфику социальной сети можно с помощью цифровых технологий, и совсем другое дело – получить информацию от участника тоталитарной секты или экстремистской организации: степень доступности информации и возможностей исследования просто несоизмеримы.

Для объективизации информации ее отбор и оценка производились по следующим критериям:

- 1) областью исследований выступают медицина, психология, педагогика, социальная психология, культурология;
- 2) данные получены в ходе эмпирических исследований;
- 3) исследования проводились в период 2015–2021 гг. только в отношении школьной страты населения;
- 4) темой исследований было отклоняющееся поведение, его формы, этиология, механизмы формирования, последствия, коррекция, профилактика;
- 5) эпидемиологический диапазон по каждой форме опасности определялся по нескольким источникам с применением аппроксимации данных (средние значения, доверительные интервалы, учет ошибки измерения).

Отметим, что, согласно ВОЗ и Комитету по наркотикам ООН, негативное явление, достигающее показателя распространенности 5 %, считается социально опасным. Систематизация данных дала следующие результаты (таблица 3).

Представленный рейтинг отражает закономерности культурогенеза, социогенеза и даже антропогенеза аддиктивного поведения школьников в условиях появления новых компьютерных технологий и интенсивной информатизации, приведших к изменению уклада жизни.

Проверка статистических гипотез на предмет влияния таких факторов, как пол, возраст, регион, на характер распределения осуществлялась методом регрессионной связи указанных факторов со всеми переменными (шкалами и вопросами) методики «ЕМ-СПТ».

Таблица 3

Уточненные аппроксимированные эпидемиологические показатели известных форм аддиктивного поведения школьников в РФ по данным эмпирических исследований за период 2015–2021 гг.
(по данным базы данных eLIBRARY.RU)

Table 3

Adjusted approximated epidemiological indicators of known forms of addictive behaviour of schoolchildren in the Russian Federation according to empirical research for the period 2015–2021 (eLIBRARY.RU database)

№	Описание опасности <i>Description of the danger</i>	Средний процент <i>Average percentage</i>	Эпидемиологический диапазон в процентах <i>Epidemiological range as a percentage</i>
1	Снижение уровня соматического здоровья школьников как результат образа жизни <i>A decrease in the level of somatic health of schoolchildren as a result of lifestyle</i>	53	44÷62
2	Адреналиномания <i>Adrenaline mania</i>	45	34 ÷ 56
3	Различные формы расстройства пищевого поведения <i>Various forms of eating disorders</i>	42	34,5 ÷ 49,5
4	Буллинг в школе <i>Bullying at school</i>	39	33 ÷ 45
5	Интернет-среда и социальные сети <i>Internet environment and social networks</i>	24	22,5 ÷ 26,5
6	Аутодеструктивное поведение и суицид <i>Autoaggression and suicide of adolescents</i>	23	17 ÷ 29
7	Межэтнические конфликты в школе и проблемы адаптации мигрантов к учебному процессу и школьной среде <i>Interethnic conflicts at school and problems of migrants' adaptation to the educational process and school environment</i>	13,8	9,8 ÷ 17,8
8	Алкоголизм (дистилляты, ректификаты, пивной) <i>Alcoholism (distillates, rectifications, beer)</i>	13	15 ÷ 17
9	Интернет-и-компьютерная аддикция и гаджет зависимость <i>Internet and computer addiction and gadget addiction</i>	10,7	3,9 ÷ 17,5
10	Вовлечение в организации экстремистского толка типа «А.У.Е.», или «Колумбайн», или автономный скулшутинг <i>Involvement in extremist organisations such as "A.U.E." or "Columbine" or autonomous school shooting</i>	5,9	3,6 ÷ 8,1
11	Вовлечение школьников в деструктивные культы <i>Involvement of schoolchildren in destructive cults</i>	3,8	3,3 ÷ 4,3
12	Наркомания <i>Drug addiction</i>	0,8	0,5 ÷ 1,1

Таблица 4

Анализ влияния фактора «пол» на характер распределения данных

Table 4

Analysis of the influence of the gender factor on the nature of data distribution

Форма Form	β	B	R2	p
A	-0,03	-0,05	-0,00007	< 0,39
B	-0,06	-0,08	0,02	< 0,05
C	-0,04	-0,07	0,09	< 0,92

По формам А и С влияния на результаты распределения данных фактора «пол» не выявлено. По форме В отмечается неустойчивое, но все же понижающее влияние фактора «пол». Анализ средних значений показывает у юношей понижение показателей сензитивности и тревожности, а у девушек понижение показателей, связанных со стремлением к лидерскому позиционированию внутри референтных групп, соперничеством, самоутверждением. Связь этих переменных с критерием пола оказывает существенное влияние на снижение всех показателей. «Половой» фактор искажения нормальности распределения, как показали дальнейшие исследования, связан с несформированностью психосоциальной (и психосексуальной) идентичности у учащихся данного возраста, точнее с продолжающимся процессом ее развития.

Таблица 5

Анализ влияния фактора «возраст» на характер распределения данных

Table 5

Analysis of the influence of the age factor on the nature of the distribution of data

Форма Form	β	B	R2	p
A	0,10	0,07	0,02	< 0,003
B	-0,002	-0,0009	0,00004	< 0,93
C	-0,03	-0,02	0,008	< 0,92

По форме А отмечается влияние на результаты распределения фактора возраста. Хотя форма А предназначена для диагностики младшей возрастной группы и сами испытуемые объективно попадают в эту группу (средний возраст $13 \pm 1,2$ года), тем не менее обнаруживается влияние фактора возраста в силу объективного требования разработчиков определять коридор нормы самостоятельно в каждом регионе. Школьники данной группы склонны максимизировать свои ответы, что укладывается в возрастную

картину развития начала подросткового периода. По формам В и С влияние на результаты распределения фактора «возраст» не выявлено.

Таблица 6

Анализ влияния фактора «регион» на характер распределения данных

Table 6

Analysis of the influence of the region factor on the nature of data distribution

Форма Form	β	B	R2	p
A	-0,12	-0,11	-0,02	< 0,00008
B	0,12	0,11	0,02	< 0,00008
C	0,092	0,05	0,02	< 0,00001

По всем формам выявлено наличие влияния на результаты распределения фактора региона, что может быть проявлением региональной специфики, учитываемой в разработке региональных норм по методике.

Расчет и анализ дисперсии переменных у юношей и девушек отдельно показал следующие содержательные закономерности:

1. В выборке девушек по 96 % всех вопросов отсутствует реальная дисперсия.

2. Анализ дисперсии на выборке юношей показал, что вопросы с дисперсией меньше 0,98 также плохо дифференцируют критериальное событие и испытуемых. Соотнесение указанного показателя дисперсии (менее 0,98) с содержанием вопросов показало, что это вопросы, относящиеся к шкалам «Потребность в одобрении», «Принятие одноклассниками», «Социальная активность», «Подверженность влиянию группы», «Самоконтроль поведения», «Импульсивность» и «Принятие родителями» – примерно 24 % от всех вопросов.

Данные по всем формам «ЕМ-СПТ» были подвергнуты процедуре факторного анализа – метод главных компонент, вращение Varimax, нижний порог корреляционной значимости переменных $r \geq 0,35$, при $p < 0,01$.

В результате факторизации данных по форме А была получена простая 7-факторная структура с объясняемой дисперсией в 67 %. Помимо дисперсных показателей устойчивости (нижняя граница нормы 51 %), устойчивость факторов вычислялась по методу Левандовского и была подтверждена в отношении всех факторов. Структура представлена в таблице 7.

Таблица 7

Факторы, извлеченные из всех 110 задействованных переменных, блока вопросов формы А методики «ЕМ-СПТ» и их факторная нагрузка

Table 7

Factors extracted from all 110 involved variables, the block of questions of Form A of the “UM-SPT” methodology and their factor loading

Названия факторов и их нагрузка <i>Names of factors and their load</i>	Отношения с родителями <i>Relationships with parents</i>	Стремление к риску <i>The desire for risk</i>	Социальная неприспособленность <i>Social maladjustment</i>	Избегание конфликтности <i>Avoiding conflict</i>	Принятие одноклассниками <i>Acceptance by classmates</i>	Просоциальный лидер <i>Prosocial leader</i>	Соблюдение норм <i>Compliance with the norms</i>
Наблюдаемая дисперсия <i>Expl. Var</i>	5,34	4,60	3,54	2,74	4,50	3,32	1,82
Процент общей дисперсии <i>Prp. Totl</i>	0,12	0,10	0,08	0,06	0,10	0,07	0,04

Первый униполярный фактор – «Отношения с родителями». Фактически этот фактор описывает взаимоотношения подростка с первичной социальной средой (родителями), благополучные или неблагополучные отношения с которой могут действительно выступать фактором защиты или риска аддиктивного поведения. Фактор четко описывает конструкт устойчивости к аддиктивному поведению или риска вероятности его наступления. Фактор, таким образом, имеет как социально-позитивное, так и социально-негативное значение.

Второй униполярный фактор – «Стремление к риску». Содержание переменных в пространстве фактора говорит о четкой выраженности конструкта рискованного поведения, однозначно присутствующего в таких формах аддиктивного поведения, как игромания, адреналиномания, интернетомания, но в меньшей степени в поведении аддиктов при химических аддикциях. Однако для подростков такое поведение, как алкогольный или наркотический дебют (желание рискнуть, попробовать), может описываться таким конструктом. Фактор несет социально-негативную коннотацию.

Третий униполярный фактор – «Социальная неприспособленность». Содержание переменных в пространстве фактора также говорит о четкой выраженности конструкта социальной неприспособленности, стремления к социальной самоизоляции. Хотя в пространство фактора входят переменные, которые разработчиками обозначены как проявления тревожности, содержание переменных указывает и на тревожность, и на интровертиро-

ванность, и на сензитивность, и на невротичность. Однако в совокупности они описывают именно социальную неприспособленность, способствующую повышению риска аддиктивного поведения. Фактор несет социально-негативную коннотацию.

Четвертый униполярный фактор – «Избегание конфликтности». Хотя разработчики обозначили переменные, вошедшие в данный фактор, как выражающие потребность в одобрении, содержательно они отражают иную, причем двойную семантику. Фактор не несет однозначного содержания. С одной стороны, выражается побуждение «не быть причиной конфликтности», с другой стороны, характер вопросов откровенно проверяет искренность опрашиваемых и несет своеобразный смысл – «выглядеть лучше, чем есть на самом деле», «пустить пыль» в глаза.

Пятый униполярный фактор – «Принятие одноклассниками». Содержательно он описывает и полностью охватывает соответствующий конструкт, который несет социально-позитивную коннотацию.

Шестой униполярный фактор – «Просоциальный лидер». Он охватывает переменные, относящиеся к шкалам «Потребность в одобрении», «Самоконтроль поведения» и «Принятие одноклассниками», и содержательно описывает позитивную социальную активность, претензии на просоциальное лидерство. Социальная включенность и активность, соблюдение норм и развитость самоконтроля поведения действительно являются факторами, уменьшающими риск возникновения аддиктивного поведения. Поэтому можно сказать, что в этом факторе проявляется конструкт просоциального и социально активного лидера с развитым самоконтролем поведения, что соответствует содержательным требованиям методики.

Седьмой униполярный фактор – «Соблюдение норм». Он имеет те же особенности, что и четвертый фактор. Разработчики обозначили вошедшие в него переменные как выражающие потребность в одобрении, однако, как уже отмечалось, содержательно они отражают иную семантику. С одной стороны, выражается побуждение «быть правильным», с другой стороны, характер вопросов откровенно проверяет искренность опрашиваемых и несет своеобразный смысл – «выглядеть лучше, чем есть, на самом деле».

Факторы, извлеченные из данных по форме В, представлены в таблице 8.

Первый униполярный фактор – «Принятие родителями». Он четко описывает соответствующий конструкт устойчивости к аддиктивному поведению и в своем пространстве содержит соответствующие переменные. Индивидуальные факторные оценки испытуемых из репрезентативной группы показывают, что у 63 % школьников развит этот фактор защиты, а у 37 % он дефицитарен.

Таблица 8

Факторы, извлеченные из всех 140 задействованных переменных блока вопросов формы В методики «ЕМ-СПТ», и их факторная нагрузка

Table 8

Factor structure extracted from all 140 involved variables of the block of questions of Form B of the “UM-SPT” methodology and their factor loading

Названия факторов и их нагрузка <i>Names of factors and their load</i>	Принятие родителями <i>Acceptance by parents</i>	Стремление к риску <i>The desire for risk</i>	Тревожность и фрустрация <i>Anxiety and frustration</i>	Наркопотребление в социальном окружении <i>Drug use in the social environment</i>	Потребность в одобрении <i>The need for approval</i>	Принятие одноклассниками и самооэффективность <i>Acceptance by classmates and self-efficacy</i>
Факторные нагрузки <i>Expl. Var</i>	6,98	5,31	6,04	5,10	4,88	4,58
Процент обшей дисперсии <i>Prp. Totl</i>	0,13	0,10	0,11	0,09	0,09	0,08

Второй униполярный фактор – «Стремление к риску». Содержание переменных в пространстве фактора говорит о четкой выраженности конструкта рискового поведения, однозначно присутствующего в таких формах аддиктивного поведения, как игромания, адреналиномания, интернетомания, но в меньшей степени в поведении аддиктов при химических аддикциях. Однако для подростков такое поведение, как алкогольный или наркотический дебют (желание рискнуть, попробовать), может описываться таким конструктом. Фактор содержит в своем пространстве соответствующие переменные. Индивидуальные факторные оценки испытуемых показывают, что стремление к риску выражено у 54 % школьников, а 46 % не испытывают такого побуждения.

Третий униполярный фактор – «Тревожность и фрустрация». Пространство фактора объединяет переменные, описывающие два фактора риска – тревожность и фрустрация. Другими словами, фактор объединил и четко описывает сразу два источника риска аддиктивного поведения. Индивидуальные факторные оценки испытуемых показывают, что в состоянии тревоги и фрустрации находятся 45 % учащихся, а 55 % не испытывают этих состояний.

Четвертый униполярный фактор – «Наркопотребление в социальном окружении». Индивидуальные факторные оценки испытуемых в пространстве фактора показывают, что этот фактор создает риск аддиктивного поведения для 35 % школьников, а для 65 % он не является источником рисковенности наркотической аддикции.

Пятый униполярный фактор – «Потребность в одобрении». Индивидуальные факторные оценки испытуемых показывают, что этот фактор создает риск аддиктивного поведения для 45 % школьников, а для 55 % не является источником рисковенности наркотической аддикции.

Шестой униполярный фактор – «Принятие одноклассниками и самооффективность». Пространство фактора объединяет переменные, описывающие два фактора защиты от аддиктивного поведения – принятие одноклассниками и самооффективность. Другими словами, фактор объединил и четко описывает сразу два фактора защиты от аддиктивного поведения. Индивидуальные факторные оценки испытуемых показывают развитость этих факторов защиты у 55 % учащихся и их неразвитость у 45 % учащихся.

В результате факторизации данных по форме С была получена простая 6-факторная структура с объясняемой дисперсией в 59 %. Структура представлена в таблице 9.

Таблица 9

Факторная структура, извлеченная из всех 140 задействованных переменных блока вопросов формы С

Table 9

Factor structure extracted from all 140 involved variables of the block of questions C Form

Названия факторов и их нагрузка <i>Names of factors and their load</i>	Наркопотребление в социальном окружении и подверженность влиянию группы <i>Drug use in the social environment and exposure to group influence</i>	Принятие родителями и одноклассниками <i>Acceptance by parents and classmates</i>	Тревожность и фрустрация <i>Anxiety and frustration</i>	Стремление к риску, нарушение норм <i>The desire for risk, violation of norms</i>
	Аксиологический компонент <i>Axiological component</i>		Аффективный компонент <i>Affective component</i>	Поведенческий компонент <i>Behavioural component</i>
	Андеграундная, асоциальная культура <i>Underground, antisocial culture</i>	Официальная просоциальная культура <i>Official prosocial culture</i>		
Факторные нагрузки <i>Expl. Var</i>	10,55	8,38	7,48	3,65

Названия факторов и их нагрузка <i>Names of factors and their load</i>	Наркопотребление в социальном окру- жении и подвер- женность влиянию группы <i>Drug use in the social environment and exposure to group influence</i>	Принятие родите- лями и одноклас- никами <i>Acceptance by par- ents and classmates</i>	Тревожность и фру- страция <i>Anxiety and frus- tration</i>	Стремление к риску, нарушение норм <i>The desire for risk, violation of norms</i>
	Аксиологический компонент <i>Axiological component</i>		Аффективный ком- понент <i>Affective component</i>	Поведенческий ком- понент <i>Behavioural com- ponent</i>
Андеграундная, асо- циальная культура <i>Underground, antiso- cial culture</i>	Официальная просо- циальная культура <i>Official prosocial culture</i>			
Процент общей дис- персии <i>Prp. Totl</i>	0,21	0,16	0,15	0,07

Первый униполярный фактор – «Наркопотребление в социальном окружении и подверженность влиянию группы» («Андеграундная асоциальная субкультура»). Фактор фактически описывает андеграундную асоциальную наркотическую субкультуру, что подтверждается присутствием в пространстве фактора таких переменных, как «Наркопотребление в социальном окружении», «Подверженность влиянию группы», «Импульсивность», «Стремление к риску», «Фрустрированность», «Принятие аддиктивных установок социума», – фактор охватывает сразу несколько (компонентов), представленных в методике. Кроме того, пространство фактора описывает принадлежность респондента к подобной андеграундной среде или группе, указывает на принятие респондентом ценностей такой субкультуры. Индивидуальные факторные оценки испытуемых из репрезентативной группы показывают, что 34 % учащихся могут принадлежать к такой субкультуре, а 66 % – нет.

Второй униполярный фактор – «Принятие одноклассниками и родителями» («Официальная просоциальная культура»). Пространство фактора объединяет переменные, описывающие два компонента защиты от аддиктивного поведения – принятие одноклассниками и принятие родителями. Другими словами, фактор объединил и четко описывает сразу два фактора защиты от аддиктивного поведения. Фактически фактор описывает официальную просоциальную культуру и указывает на принятие респондентом ценностей этой культуры. Индивидуальные факторные оценки испытуемых из репрезентативной группы показывают, что 58 % учащихся могут принадлежать к такой просоциальной культуре, а 42 % – нет.

Третий униполярный фактор – «Тревожность и фрустрация». Фактор объединил сразу два источника риска аддиктивного поведения. Описывая аффективную сферу, он может выступать регуляторным компонентом реализации просоциальных или асоциальных ценностей (аксиологические компоненты структуры). Индивидуальные факторные оценки испытуемых показывают, что в состоянии тревоги и фрустрации находятся 56 % учащихся, а 44 % не испытывают этих состояний.

Четвертый униполярный фактор – «Стремление к риску». Содержание переменных в пространстве фактора говорит о четкой выраженности конструкта рискового поведения, однозначно присутствующего в таких формах аддиктивного поведения, как игромания, адреналиномания, интернетомания, но в меньшей степени в поведении аддиктов при химических аддикциях. Однако для молодежи такое поведение, как алкогольный или наркотический дебют (желание рискнуть, попробовать), может описываться таким конструктом. Фактор содержит в своем пространстве соответствующие переменные, говорящие о поведенческих актах – поведенческий компонент. Индивидуальные факторные оценки испытуемых показывают, что стремление к риску выражено у 42 % учащихся, а 58 % не испытывают такого побуждения.

Выделенная структура описывает аксиологический, аффективный (управляющий) и поведенческий (реализующий) компоненты аддиктивного поведения несовершеннолетних.

Обсуждение

Проверка статистических гипотез на предмет влияния таких факторов, как пол, возраст, регион, показала, что для формы А было обнаружено повышающее влияние фактора возраста ($\beta = 0,10$; $B = 0,07$; $R^2 = 0,02$, $p < 0,003$) и понижающее влияние фактора региона ($\beta = -0,12$; $B = -0,11$; $R^2 = -0,02$, $p < 0,00008$) – школьники данной возрастной группы склонны максимизировать свои ответы. Для формы В обнаружилось повышающее влияние фактора региона ($\beta = 0,12$; $B = 0,11$; $R^2 = 0,02$, $p < 0,00008$) и понижающее влияние фактора пола ($\beta = -0,06$; $B = -0,08$; $R^2 = 0,02$, $p < 0,05$). Таким образом, «региональный» фактор искажения оказался связанным с «плавающим коридором нормы» в регионах, снижение фактора пола может быть связано с возрастной спецификой психосоциального развития учащихся. Для формы С также обнаружилось повышающее влияние фактора региона ($\beta = 0,092$; $B = 0,05$; $R^2 = 0,02$, $p < 0,00001$), который, так же как и для формы В, связан с «плавающим коридором нормы» в регионах. Подобные данные соотносятся с рекомендациями региональным операторам

проведения методики «ЕМ-СПТ»¹ по разработке региональных норм с учетом возраста и пола испытуемых.

Наличие значимых различий между мужской и женской выборками по всем трем формам методики соотносится с результатами, полученными А. В. Орловой при исследованиях в разных регионах [49]. Результаты проверки различий в обобщенном виде большей частью показывают нормальную возрастную картину развития и юношей и девушек. Юноши в возрасте 14 ± 1 (форма А) лет охвачены стремлением к лидерскому позиционированию себя внутри групп своих сверстников, соперничеством, самоутверждением, стремлением проверить границы своих возможностей и т. п. Девушки этого возраста представляются более сензитивными, ранимыми, тревожными, занятыми внутренним миром своих переживаний. То есть в результатах диагностики адекватно отражаются естественные возрастные процессы развития для представителей разных полов в данной возрастной группе. Подростки в большей мере склонны к максимизации своих ответов. Возможно, с этим связано наличие устойчивой тенденции к протестности, максимизации ответов и маскированию девиантности, что отмечается большинством авторов, изучавших результаты применения методики в регионах [46; 49].

И юноши, и девушки, обучающиеся в старших классах школы (форма В), охвачены стремлением к позиционированию себя внутри референтных групп, но используют при этом различные стратегии. У юношей акцентированы потребности в принятии, одобрении, они занимают несколько социально пассивную позицию и озабочены собственной самоэффективностью и самоутверждением, сопровождающиеся самоконтролем поведения. Девушки, занимая более социально активную позицию, испытывают в борьбе за групповой статус большую степень тревожности и фрустрированности, чем юноши. То есть в результатах диагностики адекватно отражаются естественные возрастные процессы развития для представителей разных полов в возрастной группе, в частности, развитие и несформированность психосоциальной идентичности. У существенной части юношей (24 %) и девушек (33 %) в этой возрастной группе отмечается тенденция к монотонным отрицательным, а фактически – автоматическим ответам.

Результаты, полученные на выборке юношей девушек 17 ± 1 (форма С) лет, показали, что юноши проявляют устойчивую тенденцию к нарциссическому самоутверждению, склонность к нарушению норм и границ и остаются при этом заинтересованными в вопросах своей социальной самоэффективности. Девушки, также занимая социально активную позицию,

---

¹ Методические рекомендации по нормированию результатов социально-психологического тестирования. Москва: Министерство просвещения РФ, ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2019. 44 с.

испытывают в борьбе за групповой статус большую степень тревожности и фрустрированности, чем юноши, более невротичны и склонны к социальной нормативности поведения. Юноши при этом оказываются протестными, критичными, склонными к принятию именно андеграундных ценностей. То есть в результатах диагностики довольно четко отражаются направленность личности и ее отношение к социальным нормам. Полученные результаты соотносятся с данными исследований А. В. Смирнова и S. V. Menon о том, что делинквентность и протестность, социальная оппозиционность могут выступать маркерами склонности к девиантному поведению [1; 10].

Также эти выводы объясняют наличие большого количества «протестных» ответов (до 40 % в отдельных регионах). К подобным выводам пришли Н. В. Афанасьева и О. Н. Коптяева [48]. Опрос респондентов (70 человек) на предмет причин преднамеренно протестных отрицательных ответов на эти вопросы показал, что вопросы создают образ «приторно правильного», «нереального» человека, и это «раздражает», «побуждает ответить с протестом». Большое количество недостоверных, протестных ответов А. В. Печеркина с коллегами связывают с эффектом «истощаемости выборки» [50], возникающим при проведении лонгитюдных исследований, когда участники проходят диагностику несколько раз, что приводит к негативному отношению к процедуре и даже отказам от своего участия в тестировании. О. В. Орлова при анализе данных методики в своем регионе также отмечает возрастание количества недостоверных ответов при повторном тестировании [49]. Подобные результаты выявляются и на выборке испытуемых из числа студентов колледжей и вузов [45].

Результаты факторного анализа позволяют эмпирически выделить определенные конструкты, которые имеют прямое и косвенное отношение к феномену аддиктивного поведения (как фактор риска или защиты), и могут быть оценены по критерию асоциальности и просоциальности, однако униполярность факторов заставляет вводить теоретические допущения [1] для получения целостной картины (таблица 11).

Таблица 10

Полюса выделенной факторной структуры и их характеристика с точки зрения просоциальности по методике «ЕМ-СПТ»

Table 10

Poles of the selected factor structure and their characteristics from the point of view of prosociality according to the “UM-SPT” method

Выделенный конструкт в рамках униполярных факторов <i>The selected construct within the framework of unipolar factors</i>	Положительный полюс <i>Positive pole</i>	Отрицательный полюс <i>Negative pole</i>
Отношения с родителями <i>Relationships with parents</i>	Позитивные отношения с родителями <i>Positive relationships with parents</i>	Предполагается асоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) – негативные отношения с родителями <i>Social content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but it is assumed (due to the unipolar factor) – negative relationships with parents</i>
Стремление к риску <i>The desire for risk</i>	Предполагается просоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) – избегание риска <i>Prosocial content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but risk avoidance is assumed (due to the unipolar factor).</i>	Стремление к риску, рисковое поведение <i>The desire for risk, risky behaviour</i>
Социальная неприспособленность <i>Social maladjustment</i>	Предполагается просоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) – социальная приспособленность <i>Prosocial content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but Social fitness is assumed (due to the unipolar factor)</i>	Социальная неприспособленность <i>Social maladjustment</i>
Избегание конфликтности <i>Avoiding conflict</i>	Избегание конфликтности <i>Avoiding conflict</i>	Предполагается асоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) – конфликтность <i>Social content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but it is assumed (due to the unipolar factor) – conflict</i>

<p>Принятие одноклассниками <i>Acceptance by classmates</i></p>	<p>Принятие одноклассниками <i>Acceptance by classmates</i></p>	<p>Предполагается асоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) - изолированность (жертва буллинга) <i>Social content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but it is assumed (due to the unipolar factor) – isolation (victim of bullying)</i></p>
<p>Просоциальный лидер <i>Prosocial leader</i></p>	<p>Просоциальный лидер <i>Prosocial leader</i></p>	<p>Предполагается асоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) - асоциальный лидер <i>The social content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but it is assumed (due to the unipolarity of the factor) – an asocial leader</i></p>
<p>Соблюдение норм, правил <i>Compliance with norms, rules</i></p>	<p>Соблюдение норм, правил <i>Compliance with norms, rules</i></p>	<p>Предполагается асоциальное содержание, но явление в матрице не фиксируется, а предполагается (из-за униполярности фактора) – нарушение норм, правил <i>Social content is assumed, but the phenomenon is not fixed in the matrix, but it is assumed (due to the unipolar factor) – a violation of norms, rules</i></p>

Заключение

В результате анализа научной литературы установлено, что проблема дифференциации как аддиктивных форм поведения, так и социально-психологических факторов вовлечения несовершеннолетних в подобные формы является многоаспектной, что подтверждается мульти- и междисциплинарным характером исследований, проведенных специалистами в области психологии, медицины, биологии, социологии и других сферах знания. Исследователи отмечают необходимость ранней диагностики склонности к аддиктивному поведению, одновременно отмечая несовершенство имеющихся в распоряжении практиков диагностических маркеров. Подход к диагностике склонности к аддиктивному поведению с точки зрения анализа социально-психологических факторов выступает мировым трендом. Методика «ЕМ-СПТ» является в этом роде уникальным инструментом, с помощью которого можно собрать значительный эмпирический материал. Проведенное исследование позволило провести целостный анализ накопленного за

2019/2020, 2020/21 учебные годы опыта проведения социально-психологического тестирования в регионах РФ. Теоретический и практический вклад исследования определяется, с одной стороны, широким охватом испытуемых (6300 человек) в возрасте от 13 до 18 лет из разных регионов РФ, с другой стороны, выводами, полученными на основе использования различных методов первичной и многомерной математической статистики. Отметим, что выполнен анализ данных всех трех форм методики (А, В и С).

При ответе на исследовательские вопросы авторами сделаны следующие выводы:

1. Факторы региона проживания, пола и возраста оказывают влияние на социально-психологические характеристики личности несовершеннолетних в контексте факторов защиты и риска вовлечения в аддиктивное поведение.

2. Выявлены значимые различия в проявлении социально-психологических характеристик личности и факторов защиты / факторов риска вовлечения в аддиктивное поведение в зависимости от пола и возраста. Юношам, обучающимся в 7–9 классах школы, в большей степени, чем девушкам, характерны потребность в лидерстве, протестные реакции и соперничество, а девушки являются более тревожными, фрустрированными, сосредоточенными на внутренних переживаниях. У юношей, обучающихся в 10–11 классах школы, акцентированы потребности в принятии, одобрении, самоутверждении и самоконтроле. Девушки этого возраста, занимая более активную социальную позицию, демонстрируют повышение степени тревожности и фрустрированности. Юноши-студенты проявляют склонность к нарушению норм и границ, заинтересованность в вопросах самоэффективности. Девушки этого возраста, продолжая занимать социально активную позицию, отличаются большей невротичностью и склонностью к социальной нормативности поведения.

Факторная структура социально-психологических характеристик личности, полученная на выборке учащихся 7–9 классов, представлена семью униполярными факторами, расположенными в соответствии с их факторной нагрузкой: «Отношения с родителями», «Стремление к риску», «Социальная неприспособленность», «Избегание конфликтности», «Принятие одноклассниками», «Просоциальный лидер», «Соблюдение норм». Факторная структура социально-психологических характеристик личности, полученная на выборке старшеклассников (10–11 классы школы), представлена шестью униполярными факторами, расположенными в соответствии с их факторной нагрузкой: «Принятие родителями», «Стремление к риску», «Тревожность и фрустрация», «Наркопотребление в социальном окружении», «Потребность в одобрении», «Принятие одноклассниками и самоэффективность». Фак-

торная структура социально-психологических характеристик личности, полученная на выборке студентов среднего профессионального и высшего образования, представлена четырьмя униполярными факторами, расположенными в соответствии с их факторной нагрузкой: «Наркопотребление в социальном окружении и подверженность влиянию группы», «Принятие родителями и одноклассниками», «Тревожность и фрустрация», «Стремление к риску, нарушение норм».

3. Результаты факторного анализа позволяют эмпирически выделить конструкты («Отношения с родителями», «Стремление к риску», «Социальная неприспособленность», «Избегание конфликтности», «Принятие одноклассниками», «Просоциальный лидер», «Соблюдение норм, правил»), отражающие факторы защиты или риска вовлечения в аддиктивное поведение, и могут быть описаны по критерию их асоциальности и просоциальности. Описание выделенных полюсов факторной структуры социально-психологических характеристик личности может послужить основой для организации профилактической работы с несовершеннолетними.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А. В. Психология аддиктивного поведения [Электрон. ресурс]. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23628115> (дата обращения: 01.05.2022).
2. Гилемханова Э. Н., Васина В. В., Герасимова В. В. Модификация инструментария диагностики психологических рисков наркотизации школьников [Электрон. ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 5, № 8. С. 67. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/94PSMN520.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).
3. Moss H. B., Ge S., Trager E., Saavedra M., Yau M., Ijeaku I., Deas D. Risk for Substance Use Disorders in young adulthood: Associations with developmental experiences of homelessness, foster care, and adverse childhood experiences // *Comprehensive Psychiatry*. 2020. № 100. Article number 152175. DOI: 10.1016/j.comppsy.2020.152175
4. Курносова Е. С. Социальные сети в цифрах [Электрон. ресурс] // MEDIASCOPE. Российский интернет-форум РИФ+КИБ – 2020. Режим доступа: <https://ict.moscow/presentation/sotsialnye-seti-v-tsifrakh> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Солдатова Г. У., Ртищева М. А., Серегина В. В. Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков [Электрон. ресурс] // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 29–37. Режим доступа: <https://istina.msu.ru/publications/article/86009183> (дата обращения: 01.05.2022).
6. Sai Sandhya T., Lakshmi, T., Rajeshkumar S., Roy A., Gurunathan D., Geetha R., Kumar R. Knowledge, awareness and practice regarding drug abuse among teenagers between the age group of 14–19 years: A questionnaire survey // *Indian Journal of Public Health Research and Development*. 2019. № 10 (11). P. 3536–3539. DOI: 10.5958/2f0976-5506
7. Moradi P., Lavasani F. F., Dejman M. Adolescent substance abuse and family environment: A qualitative study // *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*. 2019. № 8 (2). Article number e83781. DOI: 10.5812/ijhrba.83781

8. Morales A. M., Jones S. A., Kliamovich D., Harman G., Nagel B. J. Identifying Early Risk Factors for Addiction Later in Life: A Review of Prospective Longitudinal Studies // *Current Addiction Reports*. 2020. № 7 (1). P. 89–98. DOI: 10.1007/s40429-019-00282-y
9. Rasskazova E. I., Tkhostov A. S., Falkovskaia L. P., Kiseleva A. L., Kremlev A. F., Artamonova E. G. Psychological indicators of delinquent behavior in adolescents: The potential of the 'psychological risk factors of deviant behavior in adolescents inventory' for differentiating between adolescents with delinquent behavior, drug addiction, and controls // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. № 12 (3). P. 149–162. DOI: 10.11621/pir.2019.0311
10. Menon S. V., Thakur H., Shorey R. C., Cohen J. R. Predicting Adolescent Substance Use in a Child Welfare Sample: A Multi-Indicator Algorithm // *Assessment*. 2021. № 28 (4). P. 1207–1218. DOI: 10.1177/1073191119880966
11. Brumback T., Thompson W., Cummins K., Brown S., Tapert S. Psychosocial predictors of substance use in adolescents and young adults: Longitudinal risk and protective factors // *Addictive Behaviors*. 2021. № 121. Article number 106985. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.106985
12. Schneider J. P., Irons R. R. Assessment and treatment of addictive sexual disorders: Relevance for chemical dependency relapse // *Substance Use & Misuse*. 2001. Vol. 36, № 13. P. 1795–1820. DOI: 10.1081/ja-100108428. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11795580/> (date of access: 01.07.2022).
13. Красиков В. И. «Хейтеры» в российском сегменте интернета [Электрон. ресурс] // *Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология*. 2021. № 59. С. 73–86. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/heytery-v-rossiyskom-segmente-interneta> (дата обращения: 01.05.2022).
14. Кувшинова А. И., Некрут Т. В. Результаты исследования асоциального влияния религиозных культов на подростков в социально-педагогической среде общеобразовательного учебного заведения [Электрон. ресурс] // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. № 7 (24). С. 100–103. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36484206> (дата обращения: 01.05.2022).
15. Усова О. В., Усов В. В., Костина Н. Б., Дуран Т. В. Девиантное поведение подростков как проявление индивидуальной аномии: социальный и гендерный аспекты проблемы // *Образование и наука*. 2021. Т. 23, № 5. С. 164–192. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-164-192
16. Хасанова И. И., Котова С. С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // *Образование и наука*. 2017. Т. 19, № 4. С. 146–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168
17. Руденкин Д. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Кривошекова М. С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 2. С. 125–146. DOI 10.17853/1994-5639-2018-2-125-146
18. Kruzhkova O. V., Obolenskaya A. G., Vorobieva I. V. et al. Strategies for formation of anti-vandal urban environment: economic, ergonomic, cultural and psychological resources // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: RPTSS 2018 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences*. Irkutsk, 26–28 April 2018. Irkutsk: Irkutsk national research technical university, 2018. P. 917–923. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.112
19. Miniakhmetova I. I., Peterson E. Y., Chikova O. A., Maximova L. A. Does digital learning affect students' digital addiction? // *AIP Conference Proceedings: 7th International*

Young Researchers Conference on Physics, Technology, Innovations, PTI 2020. Ekaterinburg, 18–22 May 2020. Ekaterinburg, 2020. Article number 090002. DOI: 10.1063/5.0032276

20. Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3 (87). С. 50–66. DOI: 10.17759/cpp.2015230304

21. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31. DOI: 10.11621/npj.2019.0303

22. Sotoudeh H. G., Nazari M. A., Mirhashemi M. A Social-cognitive educational protocol for parents with adolescents at risk of substance use: Impact on adolescents' life skill // Iranian Journal of Psychiatry. 2021. № 16 (3). P. 295–304. DOI: 10.18502/ijps.v16i3.6255

23. Панышина С. Е., Сунгурова Н. Л., Карабущенко Н. Б. Личностные характеристики студентов в регуляции сетевой активности // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 3. С. 101–130. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-3-101-130

24. Bornioli A., Lewis-Smith H., Smith A., Slater A., Bray I. Adolescent body dissatisfaction and disordered eating: Predictors of later risky health behaviours // Social Science and Medicine. 2019. № 238. Article number 112458. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.112458

25. Ghazal P. Rising trend of substance abuse in Pakistan: a study of sociodemographic profiles of patients admitted to rehabilitation centres // Public Health. 2019. № 167. P. 34–37. DOI: 10.1016/j.puhe.2018.10.020

26. Яковлев А. Н., Пашкевич Н. В., Пажитных Д. В. Поиск генетических и психологических маркеров риска потребления наркотиков подростками с аддиктивным поведением в рамках первичной профилактики: предварительные результаты пилотного исследования в Липецке [Электрон. ресурс] // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. Т. 95. № 2. С. 5–11. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29432399> (дата обращения: 01.05.2022).

27. Абдуллина Л. Б., Абдуллин Р. Р. Особенности развития мотивационной сферы подростков группы риска [Электрон. ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 194–195. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32235171> (дата обращения: 01.05.2022).

28. Власова Ю. В. О мотивах, способствующих вовлечению в деструктивные культуры подростков и молодежи [Электрон. ресурс] // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 3. С. 30–33. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27053303> (дата обращения: 01.05.2022).

29. Дорфман А. Я., Панов Ю. Л. Я-концепция и мотивы достижения у курсантов ВВ МВД РФ в зависимости от уровня склонности к девиантности (сравнительный анализ) [Электрон. ресурс] // Образование и наука. 2013. № 3 (102). С. 87–97. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18868364> (дата обращения: 01.05.2022).

30. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Нарушение произвольной регуляции психической деятельности при социальной тревоге в контексте формирования антивитаального и суицидального поведения [Электрон. ресурс] // Инновации в науке. 2015. № 49. С. 93–101. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24246346> (дата обращения: 01.05.2022).

31. Рахимкулова А. С. Последствия рискованного поведения для физического и психического здоровья подростков // Девиантология. 2020. Т. 4. № 1 (6). С. 3–15. DOI: 10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15

32. Гайнуллин Р. С., Великанова Л. П., Подосинников С. А., Подосинникова Е. А. Организация и проведение психологического исследования обучающихся различных образовательных организаций, направленного на профилактику девиантного поведения. // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2020. № 1. С. 200–204. DOI: 10.24412/cl-36422-2021-1-200-204
33. Бульчева Е. С. Технология педагогического сопровождения семьи в профилактике наркомании подростков [Электрон. ресурс] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. 2013. Т. 14, № 1. С. 137–141. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20283336> (дата обращения: 01.05.2022).
34. Бояршинова И. М. Проблемы реабилитации наркозависимой молодежи в условиях приграничного региона Оренбургской области // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1360–1368. DOI: 10.17117/na.2015.09.1360
35. Егоров А. Ю. Гречаный С. В. Современные подходы к терапии и коррекции интернет-аддикции // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 2019. Т. 119, № 6. С. 152–159. DOI: 10.17116/jnevro2019119061152
36. Davis R. A. Cognitive-behavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior. 2001. Vol. 17, № 2. P. 187–195. DOI: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8
37. Coleman-Kennedy C., Pendley A. Assessment and diagnosis of sexual addiction // Journal of the American Psychiatric Nurses Association. 2002. Vol. 8, № 5. P. 143–151. DOI: 10.1067/mpn.2002.128827
38. Fagerstrom K. O., Schneider N. Measuring nicotine dependence: a review of the Fagerstrom Tolerance Questionnaire // Journal of Behavioral Medicine. 1989. № 12. P. 159–182. DOI: 10.1007/BF00846549
39. Смирнов А. В. Психологические особенности аддиктивного поведения у мужчин и женщин: монография [Электрон. ресурс]. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2015. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41262979> (дата обращения: 01.05.2022).
40. Miller T. W., Bilyeu J., Veltkamp L. J. et al. Intimacy in addicted couples: clinical issues and case studies // Journal of Couples Therapy. 2001. Vol. 10, № 3-4. P. 51–62. DOI: 10.1300/J036v10n03_06
41. Антонова А. А., Яманова Г. А., Боговденнова В. Ф., Умарова Д. Н. Основные тенденции заболеваемости среди детского населения // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-3 (103). С. 6–9. DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.054
42. Garcia B. H., Vázquez A. L., Moses J. O., Cromer K. D., Morrow A. S., Villodas M. T. Risk for substance use among adolescents at-risk for childhood victimization: The moderating role of ADHD // Child Abuse and Neglect. 2021. № 114. Article number 104977. DOI: 10.1016/j.chiabu.2021.104977
43. Sussman S. Love Addiction: Definition, Etiology, Treatment // Sexual Addiction & Compulsivity. 2010. Vol. 17, № 1. P. 31–45. DOI: 10.1080/10720161003604095
44. McKeague E. L. Differentiating the Female Sex Addict: A Literature Review Focused on Themes of Gender Difference Used to Inform Recommendations for Treating Women With Sex Addiction, Sexual Addiction and Compulsivity // The Journal of Treatment & Prevention. 2014. Vol. 21, № 3. P. 203–224. DOI: 10.1080/10720162.2014.931266
45. Стрелкова О. В. Выявление склонности первокурсников к вовлечению в употребление психоактивных веществ с помощью социально-психологического тестирования // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2021. Т. 56, № 2. С. 189–192. DOI: 10.46845/2071-5331-2021-2-56-189-192

46. Заева О. В. Использование результатов единой методики социально-психологического тестирования для организации профилактической работы с обучающимися образовательной организации [Электрон. ресурс] // Образование личности. 2020. № 3-4. С. 111–141. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44837298> (дата обращения: 01.05.2022).

47. Михайлина М. Ю. Диагностический потенциал социально-психологического тестирования обучающихся: методические рекомендации для педагогов-психологов по результатам проведения социально-психологического тестирования [Электрон. ресурс]. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2020. Режим доступа: https://kalinino.my1.ru/kspo_metreki_diagnosticheskij_potencial_maket.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

48. Афанасьева Н. В., Коптяева О. Н. Социально-психологическое тестирование как инструмент системной профилактической работы [Электрон. ресурс] // Источник. 2020. № 1. С. 13–15. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42969995> (дата обращения: 01.05.2022).

49. Орлова Л. В. Анализ результатов социально-психологического тестирования учащихся средних и старших классов [Электрон. ресурс] // Цифровые технологии на службе педагогики и психологии: сборник статей XVII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Коломна, 01 января 2021 года. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. С. 170–174. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45575998> (дата обращения: 01.05.2022).

50. Печеркина А. В., Жданова С. Ю., Зарипова Л. З. Проблемы организации социально-психологического тестирования обучающихся в условиях высшего учебного заведения [Электрон. ресурс] // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. № 1 (4). С. 395–402. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44460887> (дата обращения: 01.05.2022).

References

1. Smirnov A. V. Psihologija addiktivnogo povedenija = Psychology of addictive behavior [Internet]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2014 [cited 2022 May 01]. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23628115> (In Russ.)

2. Gilemhanova E. N., Vasina V. V., Gerasimova V. V. Modification of diagnostic tools for psychological risks of drug addiction in schoolchildren. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya = The world of Science. Pedagogy and Psychology* [Internet] 2020 [cited 2022 May 01]; 5 (8): 67. Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/94PSMN520.pdf> (In Russ.)

3. Moss H. B., Ge S., Trager E., Saavedra M., Yau M., Ijeaku I., Deas D. Risk for Substance Use Disorders in young adulthood: Associations with developmental experiences of home-lessness, foster care, and adverse childhood experiences. *Comprehensive Psychiatry*. 2020; 100: 152175. DOI: 10.1016/j.comppsy.2020.152175

4. Kuvshinova A. I., Nekrut T. V. The results of the study of the asocial influence of religious cults on adolescents in the socio-pedagogical environment of a general educational institution. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki = Modern Research and Development* [Internet] 2018 [cited 2022 May 01]; 7 (24): 100–103. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/heytery-v-rossiyskom-segmente-interneta> (In Russ.)

5. Soldatova G. U., Rtishcheva M. A., Seryogina V. V. Online risks and the problem of psychological health of children and adolescents. *Akademicheskij vestnik Akademii social'no-*

go upravleniya = *Academic Bulletin of the Academy of Social Management* [Internet]. 2017 [cited 2022 May 01]; 3 (25): 29–37. Available from: <https://istina.msu.ru/publications/article/86009183> (In Russ.)

6. Sai Sandhya T., Lakshmi T., Rajeshkumar S., Roy A., Gurunathan D., Geetha R. V., Pra-deep Kumar R. Knowledge, awareness and practice regarding drug abuse among teenagers between the age group of 14–19 years: A questionnaire survey. *Indian Journal of Public Health Research and Development*. 2019; 10 (11): 3536–3539. DOI: 10.5958/2f0976-5506

7. Moradi P., Lavasani F. F., Dejman M. Adolescent substance abuse and family environment: A qualitative study. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*. 2019; 8 (2): e83781. DOI: 10.5812/ijhrba.83781

8. Morales A. M., Jones S. A., KIAMOVICH D., Harman G., Nagel B. J. Identifying early risk factors for addiction later in life: A review of prospective longitudinal studies. 2020; 7 (1): 89–98. DOI: 10.1007/s40429-019-00282-y

9. Rasskazova E. I., Tkhostov A. S., Falkovskaia L. P., Kiseleva A. L., Kremlev A. F., Artamonova E. G. Psychological indicators of delinquent behavior in adolescents: The potential of the ‘psychological risk factors of deviant behavior in adolescents inventory’ for differentiating between adolescents with delinquent behavior, drug addiction, and controls. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019; 12 (3): 149–162. DOI: 10.11621/pir.2019.0311

10. Menon S. V., Thakur H., Shorey R. C., Cohen J. R. Predicting adolescent substance use in a child welfare sample: A multi-indicator algorithm. *Assessment*. 2021; 28 (4): 1207–1218. DOI: 10.1177/1073191119880966

11. Brumback T., Thompson W., Cummins K., Brown S., Tapert S. Psychosocial predictors of substance use in adolescents and young adults: Longitudinal risk and protective factors. *Addictive Behaviors*. 2021; 121: 106985. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.106985

12. Schneider J. P., Irons R. R. Assessment and treatment of addictive sexual disorders: Relevance for chemical dependency relapse. *Substance Use & Misuse* [Internet]. 2001 [cited 2022 July 01]; 36 (13): 1795–1820. DOI: 10.1081/ja-100108428 Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11795580>

13. Krasikov V. I. “Haters” in the Russian segment of the Internet. *Vestnik Tomskogo gos-udarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of the Tomsk State University: Philosophy. Sociology. Political Science* [Internet]. 2021 [cited 2022 May 01]; 59: 73–86. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/heytery-v-rossiyskom-segmente-interneta> (In Russ.)

14. Kuvshinova A. I., Nekrut T. V. The results of the study of the asocial influence of religious cults on adolescents in the socio-pedagogical environment of a general educational institution. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki = Modern Research and Development* [Internet]. 2018 [cited 2022 May 01]; 7 (24): 100–103. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/heytery-v-rossiyskom-segmente-interneta> (In Russ.)

15. Usova O. V., Usov V. V., Kostina N. B., Duran T. V. Deviant behaviour of adolescents as a manifestation of individual anomie: Social and gender aspects of the problem. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021; 23 (5): 164–192. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-164-192 (In Russ.)

16. Hasanova I. I., Kotova S. S. The correlations of the internet addiction between coping and deviant behaviour of students. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2017; 19 (4): 146–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168 (In Russ.)

17. Rudenkin D. V., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Krivoshchekova M. S. Youth vandalism in the environment of megalopolis: Borders of standard and deviation. *Obrazovanie*

i nauka = The Education and Science Journal. 2018; 20 (2): 125–146. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-125-146 (In Russ.)

18. Kruzhkova O. V., Obolenskaya A. G., Vorobyeva I. V., et al. Strategies for formation of anti-vandal urban environment: Economic, ergonomic, cultural and psychological resources. In: *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: RPTSS 2018 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences*; 26–28 Apr 2018; Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2018. p. 917–923. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.112

19. Miniakhmetova I. I., Peterson E. Y., Chikova O. A., Maximova L. A. Does digital learning affect students' digital addiction? In: *AIP Conference Proceedings: 7th International Young Researchers Conference on Physics, Technology, Innovations, PTI 2020*; 18–22 May 2020; Ekaterinburg. Ekaterinburg; 2020. Article number 090002. DOI: 10.1063/5.0032276

20. Soldatova G. U., Shlyapnikov V. N., Zhurina M. A. Evolution of online risks: The results of five years of work of the online help line. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2015; 3 (87): 50–66. DOI: 10.17759/cpp.2015230304 (In Russ.)

21. Soldatova G. U., Yarmina A. N. Cyberbullying: Features, role structure, parent-child relationships and coping strategies. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*. 2019; 3 (35): 17–31. DOI: 10.11621/npj.2019.0303 (In Russ.)

22. Sotoudeh H. G., Nazari M. A., Mirhashemi M. A. Social-cognitive educational protocol for parents with adolescents at risk of substance use: Impact on adolescents' life skill. *Iranian Journal of Psychiatry*. 2021; 16 (3): 295–304. DOI: 10.18502/ijps.v16i3.6255

23. Panshina S. Ye., Sungurova N. L., Karabushchenko N. B. Personal characteristics of students in the regulation of network activity. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021; 23 (3): 101–130. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-3-101-130 (In Russ.)

24. Bornioli A., Lewis-Smith H., Smith A., Slater A., Bray I. Adolescent body dissatisfaction and disordered eating: Predictors of later risky health behaviours. *Social Science and Medicine*. 2019; 238: 112458. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.112458

25. Ghazal P. Rising trend of substance abuse in Pakistan: A study of sociodemographic profiles of patients admitted to rehabilitation. *Public Health*. 2019; 167: 34–37. DOI: 10.1016/j.puhe.2018.10.020

26. Yakovlev A. N., Pashkevich N. V., Pazhitnyh D. V. The search for genetic and psychological markers of the risk of drug use by adolescents with addictive behavior in the framework of primary prevention: Preliminary results of a pilot study in Lipetsk. *Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii = Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology* [Internet]. 2017 [cited 2019 July 15]; 2 (95): 5–11. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29432399> (In Russ.)

27. Abdullina L. B., Abdullin R. R. Features of the development of the motivational sphere of adolescents at risk. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education* [Internet]. 2017 [cited 2022 May 01]; 6 (67): 194–195. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32235171> (In Russ.)

28. Vlasova Y. V. On the motives contributing to the involvement of adolescents and youth in destructive cults. *Mezhdunarodnyj penitencijarnyj zhurnal = International Penitentiary Journal* [Internet]. 2016 [cited 2022 May 01]; 3: 30–33. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27053303> (In Russ.)

29. Dorfman L. Ya., Panov Yu. V. Self-concept and motives of achievement among cadets of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, depend-

ing on the level of inclination to deviance (comparative analysis). *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal* [Internet]. 2013 [cited 2022 May 01]; 3 (102): 87–97. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18868364> (In Russ.)

30. Sagalakova O. A., Truevcev D. V. Violation of voluntary regulation of mental activity in social anxiety in the context of the formation of antivital and suicidal behavior. *Innovacii v nauke = Innovations in Science* [Internet]. 2015 [cited 2022 May 01]; 49: 93–101. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24246346> (In Russ.)

31. Rahimkulova A. S. Consequences of risky behavior for the physical and mental health of adolescents. *Deviantologiya = Deviantology*. 2020; 1 (6): 3–15. DOI: 10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15 (In Russ.)

32. Gajnullin R. S., Velikanova L. P., Podosinnikov S. A., Podosinnikova E. A. Organization and conduct of psychological research of students from various educational organizations, aimed at preventing deviant behavior. *Novaya psihologiya professional'nogo truda pedagoga: ot nestabil'noj real'nosti k ustojchivomu razvitiyu = New Psychology of Professional Work of a Teacher: From an Unstable Reality to Sustainable Development*. 2020; 1: 200–204. DOI: 10.24412/cl-36422-2021-1-200-204 (In Russ.)

33. Bulycheva E. S. The technology of pedagogical support of the family in the prevention of drug addiction in adolescents. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Novosibirsk State University Bulletin. Series: Pedagogy* [Internet]. 2013 [cited 2022 May 01]; 1 (14): 137–141. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20283336> (In Russ.)

34. Boyarshinova I. M. Problems of rehabilitation of drug addicted youth in the border region of the Orenburg region. *Nauchnyj al'manah = Scientific Almanac*. 2015; 9 (11): 1360–1368. DOI: 10.17117/na.2015.09.1360 (In Russ.)

35. Egorov A. Yu., Grechanyj S. V. Modern approaches to therapy and correction of Internet addiction. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova = Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov*. 2019; 6 (119): 152–159. DOI: 10.17116/jnevro2019119061152 (In Russ.)

36. Davis R. A. Cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*. 2001; 17 (2): 187–195. DOI: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8

37. Coleman-Kennedy C., Pendley A. Assessment and diagnosis of sexual addiction. *Journal of the American Psychiatric Nurses Association*. 2002; 5 (8): 143–151. DOI: 10.1067/mpn.2002.128827

38. Fagerstrom K. O., Schneider N. Measuring nicotine dependence: A review of the Fagerstrom Tolerance Questionnaire. *Journal of Behavioral Medicine*. 1989; 12: 159–182. DOI: 10.1007/BF00846549

39. Smirnov A. V. Psihologicheskie osobennosti addiktivnogo povedeniya u muzh-chin i zhenshhin = Psychological features of addictive behavior in men and women [Internet]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2015 [cited 2022 May 01]. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41262979> (In Russ.)

40. Miller T. W., Bilyeu J., Veltkamp L. J., et al. Intimacy in addicted couples: Clinical issues and case studies. *Journal of Couples Therapy*. 2001; 10 (3): 51–62. DOI: 10.1300/J036v10n03_06

41. Antonova A. A., Yamanova G. A., Bogovdenova V. F., Umarova D. N. The main trends in morbidity among the child population. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij*

zhurnal = *International Scientific Research Journal*. 2021; 1 (103): 6–9. DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.054 (In Russ.)

42. García B. H., Vázquez A. L., Moses J. O., Cromer K. D., Morrow A. S., Villodas M. T. Risk for substance use among adolescents at-risk for childhood victimization: The moderating role of ADHD. *Child Abuse and Neglect*. 2021; 114: 104977. DOI: 10.1016/j.chiabu.2021.104977

43. Sussman S. Love addiction: Definition, etiology, treatment. *Sexual Addiction & Compulsivity*. 2010; 17 (1): 31–45. DOI: 10.1080/10720161003604095

44. McKeague E. L. Differentiating the female sex addict: A literature review focused on themes of gender difference used to inform recommendations for treating women with sex addiction, sexual addiction and compulsivity. *The Journal of Treatment & Prevention*. 2014; 21 (3): 203–224. DOI: 10.1080/10720162.2014.931266

45. Strelkova O. V. Identification of the tendency of freshmen to engage in the use of psychoactive substances using social and psychological testing. *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki = News of the Baltic State Academy of Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2021; 2 (56): 189–192. DOI: 10.46845/2071-5331-2021-2-56-189-192 (In Russ.)

46. Zaeva O. V. Using the results of a unified methodology of socio-psychological testing for the organization of preventive work with students of an educational organization. *Obrazovanie lichnosti = Personality Education* [Internet]. 2020 [cited 2022 May 01]; 3-4: 111–141. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44837298> (In Russ.)

47. Mihajlina M. Ju. Diagnosticheskij potencial social'no-psihologicheskogo testirovaniya obuchajushhijhsja: metodicheskie rekomendacii dlja pedagogov-psihologov po rezul'tatam provedenija social'no psihologicheskogo testirovaniya = Diagnostic potential of social and psychological testing of students: Guidelines for educational psychologists based on the results of social and psychological testing [Internet]. Saratov: Publishing House GAU DPO "SOIRO"; 2020 [cited 2022 May 01]. 32 p. Available from: https://kalinino.my1.ru/kspo_metreki_diagnosticheskij_potencial_maket.pdf (In Russ.)

48. Afanasyeva N. V., Koptyayeva O. N. Socio-psychological testing as a tool for systemic preventive work. *Istochnik = Source* [Internet]. 2020 [cited 2022 May 01]; 1: 13–15. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42969995> (In Russ.)

49. Orlova L. V. Analysis of the results of social and psychological testing of middle and high school students. In: *Tsifrovyye tekhnologii na sluzhbe pedagogiki i psikhologii: XVII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Digital Technologies in the Service of Pedagogy and Psychology: Collection of Articles of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation* [Internet]; 2021 Jan 01; Kolomna. Kolomna; 2021 [cited 2022 May 01]; p. 170–174. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45575998> (In Russ.)

50. Pecherkina A. V., Zhdanova S. Yu., Zaripova L. Z. Problems of organizing socio-psychological testing of students in a higher educational institution. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki: teoriya i praktika = Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice* [Internet]. 2020 [cited 2022 May 01]; 1 (4): 395–402. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44460887> (In Russ.)

Информация об авторах:

Смирнов Александр Васильевич – доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0003-1777-139x, ResearcherID ABC-4987-2021; Екатеринбург, Россия. E-mail: k-66756@planet-a.ru

Максимова Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, директор института психологии Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0003-0017-5321, Scopus Author ID 38261746300, ResearcherID ABB-3985-2020; Екатеринбург, Россия. E-mail: maximova70@mail.ru

Симонова Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0001-8669-6376, ResearcherID O-1162-2016; Екатеринбург, Россия. E-mail: luboe05@mail.ru

Вклад соавторов:

А. В. Смирнов – формирование концепции исследования, научное руководство, организация исследования.

Л. А. Максимова – сбор и анализ эмпирического материала.

И. А. Симонова – работа с базами данных elibrary.ru, Scopus, Web of Science и Google Scholar, формирование базы статей для анализа, обработка материалов исследования.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; поступила после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 05.10.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander V. Smirnov – Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General Psychology and Conflictology, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0003-1777-139x, ResearcherID ABC-4987-2021; Ekaterinburg, Russia. E-mail: k-66756@planet-a.ru

Lyudmila A. Maksimova – Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0003-0017-5321, Scopus Author ID 38261746300, ResearcherID ABB-3985-2020; Ekaterinburg, Russia. E-mail: maximova70@mail.ru

Irina A. Simonova – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0001-8669-6376, ResearcherID O-1162-2016; Ekaterinburg, Russia. E-mail: luboe05@mail.ru

Contribution of the authors:

A. V. Smirnov – formation of the research concept, scientific guidance, organisation of the research.

L. A. Maksimova – collection and analysis of empirical material.

I. A. Simonova – work with e-library.ru, Scopus, Web of Science and Google Scholar databases, formation of a database of articles for analysis, processing of research materials.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 06.12.2021; revised 23.09.2022; accepted for publication 05.10.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.